

Елена К.

«Тени Нила в северном городе»

<https://litres.ru/74196263>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мистический триллер, где холодный Петербург сталкивается с древнеегипетскими тайнами. Следователь Игорь Волков и медиум Кира Мещерская расследуют загадочную смерть поставщика в ресторане «Чёрный Нил»: рассыпанные специи, выложенные в Глаз Гора, и шёпот теней в стенах ведут к пугающей правде. Кто-то пытается нарушить равновесие между памятью и забвением, стирая личности с помощью древнего ритуала. В поисках ответов команда спускается в мрачные коллекторы, расшифровывает знаки и следует за нитями заговора — от питерских подземелий к порту Хургады.

Содержание

Глава 1. «Вкус страха и специи Сета»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Елена К.

«Тени Нила в северном городе»

Глава 1. «Вкус страха и специи Сета»

Санкт-Петербург встретил их косой стеной дождя и запахом мокрого гранита, который в этот вечер казался особенно тяжёлым, будто город нарочно наваливался на плечи, чтобы никто не забывал: здесь не любят торопиться и не прощают легкомыслия.

Игорь Волков, следователь отдела по особо важным делам, стоял у входа в ресторан «Чёрный Нил» и думал, что хуже места для начала расследования придумать сложно. Над дверью висел стилизованный барельеф с головой Ану-биса — не каноничный, а такой, будто его рисовал дизайнер, который видел египетское искусство в рекламе парфюма. Под ногами хлюпала вода, а в голове у Игоря хлюпала мысль: «Опять мистика. Опять кто-то хочет, чтобы я поверил в невозможное».

Рядом с ним, кутаясь в пальто, стояла Кира Мещерская. Она не смотрела на вывеску. Она смотрела на порог. И морщилась.

— Что? — буркнул Игорь, потому что терпеть не мог, когда люди делают вид, что чувствуют то, чего нет.

— Здесь... горько, — сказала Кира и тут же, поймав его взгляд, закатила глаза. — Да, я знаю, звучит как цитата из плохого гороскопа. Но буквально: у этого порога привкус горечи. Как будто кто-то очень сильно боялся, стоя ровно здесь.

Игорь хотел было сказать что-то про влажность и плесень, но тут дверь распахнулась, и из ресторана вылетела официантка с такой скоростью, будто за ней гнался не злой менеджер, а сам Сет в дурном настроении.

— Простите, простите! — выдохнула она, чуть не сбив Киру. — Я просто... там... опять...

Она замерла, переводя взгляд с Игоря на удостоверение, потом на Киру, потом снова на Игоря, и вдруг выдохнула:

— О, полиция. Наконец-то. У нас в подсобке поставщик. И он... ну, он не дышит.

Ресторан «Чёрный Нил» внутри выглядел как попытка поженить египетскую мифологию с питерским нуаром. На стенах — стилизованные фрески, где Осирис держал в руках меню, а над баром висела огромная лампа в форме солнеч-

ного диска Ра, которая почему-то мигала, как нервная лампочка в дешёвом мотеле.

Зоя Воронцова, владелица заведения, стояла у стойки, прямая, как лезвие, и смотрела на Игоря так, будто он пришёл не расследовать убийство, а жаловаться на пересоленный суп.

— Это не моё, — сказала она сразу, без предисловий. — Я не трогаю то, что приходит в ящиках. Я просто держу дверь закрытой.

Кира тем временем медленно шла вдоль коридора к подсобке, прикрыв глаза. Игорь заметил, как она слегка покачивается, будто ловит невидимые волны.

— Ты что делаешь? — шёпотом спросил он.

— Слушаю запах, — так же шёпотом ответила Кира. — Это как радио, только вместо станций — воспоминания. Сейчас тут кричит страх. Очень громко.

В подсобке было тесно и жарко. На полу лежал мужчина в куртке с логотипом транспортной компании. Рядом рассыпаны специи — не просто смесь, а будто кто-то пытался выложить из них узор. Глаз Гора. Неровный, торопливый, как будто человек рисовал его дрожащими руками.

А на стене кто-то выцарапал три иероглифа.

Алина, стажёрка, которая приехала с Игорем, присела на корточки и осторожно сфотографировала надпись.

— Я скину Марьям, — пробормотала она. — Она точно скажет, что это значит.

Кира присела рядом, не касаясь пола, и вдруг резко втянула воздух.

— Сет, — прошептала она. — Здесь пахнет Сетом.

Игорь уже открыл рот, чтобы сказать что-то скептическое, но тут из кухни вышел мужчина в белом кителе, с лицом человека, который знает слишком много рецептов и слишком мало счастья.

— Глеб, шеф-повар, — представился он, глядя не на Игоря, а на Киру. — Ты тоже чувствуешь?

— Чувствую, — кивнула Кира. — Кто-то использовал специи, чтобы открыть дверь.

Глеб нервно потёр руки.

— Я говорил Зое, что эта партия странная. В ней есть что-то... нестабильное. Когда я добавил щепотку в соус, у гостя начались видения. Он кричал, что видит Анубиса в зеркале. Я думал, это алкоголь.

Игорь посмотрел на рассыпанные специи, на иероглифы, на бледное лицо Глеба и вдруг понял, что сегодня ему придётся поверить в невозможное. Хотя бы на пять минут.

Варвара, та самая официантка, что чуть не сбила Киру, подкралась сбоку и прошептала:

— А ещё в подвале есть ящик. Зоя говорит, что его нельзя открывать. Но я видела, как поставщик туда спускался. И выходил... другим.

Кира открыла глаза.

— Другим — это как?

— Как будто его кто-то стёр наполовину, — честно сказала Варвара. — Улыбка осталась, а глаза пустые.

И тут лампа над баром окончательно сдалась и погасла. На секунду ресторан погрузился в темноту, и в этой темноте Игорь услышал, как кто-то тихо, отчётливо прошептал: «Они уже здесь».

Кира схватила Игоря за рукав.

— Это не в ресторане, — сказала она. — Это в стене. Как эхо.

Когда свет снова загорелся, на полу, прямо у ног Киры, лежал маленький амулет — Глаз Гора, но не из дешёвого стекла, а из тёмного камня, в котором, казалось, плавали крошечные искры.

Кира подняла его, и мир на мгновение изменился.

Она увидела не подсобку, а пустыню. Горячий ветер, песок, и вдалеке — силуэт города у моря. Хургада. И голос, низкий, чужой, произнёс: «Тени идут. Они не знают жалости».

А потом видение схлопнулось, и Кира снова стояла в тесной подсобке, дрожащая, с амулетом в руке.

Игорь смотрел на неё, и впервые за вечер в его взгляде не было скепсиса. Только тревога.

— Что ты видела? — спросил он.

— Начало, — выдохнула Кира. — Или конец. Не уверена. Тут из зала донёсся крик.

Все обернулись. У барной стойки стоял гость — мужчина лет пятидесяти, в дорогом пальто, с лицом, которое ещё минуту назад выглядело уверенным. Теперь оно было искажено ужасом.

— Там, — он тыкал пальцем в зеркало. — Там... он смотрит.

В отражении ничего не было. Просто стекло. Но Игорь вдруг заметил, что в глубине зеркала, там, где должна была быть стена, мелькнуло что-то тёмное. Как тень, которая не хотела оставаться тенью.

Глеб метнулся к полке, схватил банку с какой-то смесью и швырнул щепотку на раскалённую сковороду. Вспышка, запах, похожий на ладан и цитрус, и на секунду тени в зале отступили.

— Это Ра, — выдохнул Глеб. — Солнце. Оно держит их на расстоянии. Но ненадолго.

Зоя наконец сдвинулась с места. Подошла к Игорю, посмотрела прямо в глаза и сказала:

— Если вы хотите остановить это, вам придётся спуститься в подвал. Но знайте: я предупреждала. Некоторые вещи не должны видеть свет.

Варвара тихо сунула Кире сложенную бумажку.

— Тут схема ходов, — шепнула она. — Если что, бегите через чёрный ход. И... не трогайте ящик. Даже если очень захочется.

Кира сжала бумажку и амулет. Её руки дрожали, но голос был твёрдым.

— Мы пойдём, — сказала она. — Потому что если не мы, то кто?

Игорь вздохнул, поправил куртку и кивнул.

— Ладно. Подвал. Но если там окажется мумия, которая хочет подать на меня жалобу за незаконное проникновение, я буду очень недоволен.

Кира фыркнула, и этот короткий смешок прозвучал как глоток свежего воздуха посреди нарастающего ужаса.

— Мумия вряд ли будет жаловаться, — сказала она. — Скорее, она предложит нам чай.

Глеб, услышав это, неожиданно улыбнулся.

— С египетскими специями. Гарантирую, воспоминания будут яркими.

И в этот момент Игорь понял: он вляпался. Но, странное дело, впервые за долгое время ему стало по-настоящему интересно.

Они двинулись к двери в подвал, за которой пахло пылью, древностью и чем-то, что нельзя было описать словами. Только чувствами. И чувства эти кричали: «Осторожно. Здесь живут тени».

Подвал «Чёрного Нила» не был просто подвалом. Это был лабиринт из кирпичных стен, низких сводов и запаха сырости, который будто хранил в себе все дожди Петербурга за последние сто лет. Лампочки здесь висели редко и горели так неуверенно, словно боялись увидеть то, что прячется в углах.

Игорь шёл первым, держа в руке тусклый фонарик, луч которого то и дело натыкался на старые ящики, пыльные бутылки и странные металлические предметы, назначение которых хотелось не выяснять. За ним, стараясь не дышать слишком глубоко (потому что каждый вдох здесь отдавался в груди чужим воспоминанием), шла Кира. Глеб тащил с собой сковороду и банку со смесью специй Ра — на случай, если тени снова начнут наступать. Варвара семенила сзади, показывая дорогу и бормоча себе под нос: «Только не трогайте третий столб слева. Он... смотрит».

— «Смотрит»? — переспросил Игорь, не оборачиваясь.

— Это как? У него глаза выросли?

— Нет, — честно сказала Варвара. — Просто, когда мимо проходишь, ощущение, будто кто-то очень внимательно следит за твоей спиной. И не с добрыми намерениями.

Кира хихикнула, но тут же прикрыла рот рукой, потому что смех в этом подвале звучал как вызов.

— Прости, — прошептала она. — Это нервы. Или столб. Он действительно... пристальный.

Глеб фыркнул.

— У меня на кухне есть кастрюля, которая смотрит осуждающе, если я забываю посолить бульон. Так что я понимаю.

Игорь остановился у массивного деревянного ящика, стоявшего в самом дальнем углу, отдельно от всего остального, будто даже пыль боялась к нему прилипнуть. На крышке темнели металлические накладки, а по углам шли странные углубления, напоминавшие отпечатки чьих-то пальцев — только слишком длинных.

— Вот он, — тихо сказала Варвара. — Зоя велела не открывать. А поставщик... он трогал. И после этого стал «другим».

Кира подошла ближе и замерла, вытянув руку, но не касаясь дерева. Её лицо побледнело, потом покраснело, потом снова побледнело — будто через неё пропустили чужую

жизнь.

— Там... — она сглотнула. — Там не просто вещи. Там память. Много памяти. И она злится.

Игорь прищурился.

— Память не может злиться.

— Эта может, — возразила Кира. — Она обижена. Её заперли. И теперь она ищет, в кого бы вселиться.

Глеб нервно постучал ложкой по сковороде.

— Звучит как описание моего бывшего коллеги. Только тот злился, потому что я не давал ему жарить стейки на оливковом масле.

Кира не улыбнулась. Она смотрела на ящик, и в её глазах было что-то такое, от чего даже Игорю захотелось сделать шаг назад.

— Если мы откроем, — медленно произнесла она, — то выпустим не просто пыль. Мы выпустим чьи-то последние секунды. И они будут очень громкими.

В этот момент лампочка над ними мигнула и погасла. В темноте стало слышно, как по ящику что-то тихо царапается изнутри. Не когти, не металл — скорее, будто кто-то водил по дереву ногтями, пытаясь нащупать щель.

Варвара тихо пискнула и вцепилась в рукав Глеба.

— Это... это нормально?

— Для подвала в Питере? — пробормотал Глеб. — Вполне. У нас тут даже плесень интеллигентная, не кричит, а деликатно намекает, что пора делать ремонт.

Луч фонарика Игоря дрогнул и выхватил из темноты три углубления на крышке ящика — ровно там, где могли бы лечь пальцы. И в каждом из них тускло мерцали крошечные символы: голова шакала, солнечный диск и змея, кусающая собственный хвост.

— Анубис, Ра и... — Кира выдохнула. — И Уроборос. Знак вечного цикла. Но здесь он выглядит как... замок.

— То есть, чтобы открыть, надо приложить руки в эти выемки? — уточнил Игорь.

— Или чтобы закрыть, — поправила Кира. — Иногда такие вещи работают наоборот. Они запираются прикосновением.

И тут из глубины подвала донёсся голос. Спокойный, низкий, будто говоривший стоял рядом, хотя никого не было.

— Не пробуждай то, что спит.

Все замерли. Даже царапанье на мгновение стихло.

— Это... — начала Варвара.

— Динамик? — предположил Игорь. — Шутка?

— Это не шутка, — тихо сказала Кира. — Это... эхо. Очень старое. Оно живёт в стенах.

Глеб осторожно высыпал щепотку смеси Ра на ладонь и растер между пальцами. Воздух тут же наполнился запахом цитруса и тепла, и на секунду тени в подвале отступили, стали прозрачными, будто стыдясь собственной наглости.

— Работает, — выдохнул Глеб. — Значит, пока мы держим Ра, они не могут стать плотными.

— Но Ра не вечен, — добавила Кира. — Его сила здесь тает быстро. Как мороженое на Невском в жару.

Игорь посмотрел на ящик, на символы, на дрожащие руки своих спутников и вдруг понял, что впервые в жизни ему хочется не раскрыть преступление, а просто уйти и сделать вид, что он ничего не видел. Но уйти он не мог. Потому что если не он, то кто защитит этих людей от того, что живёт в ящике?

— Ладно, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Давайте попробуем понять, как это работает. Без открывания. Просто посмотрим.

Он направил фонарик на символы. И в тот же миг из ящика донёсся новый звук — не царапанье, а тихий, ритмичный стук, похожий на сердцебиение. Только слишком медленный. Будто кто-то под землёй делал один удар в минуту. И каждый удар отдавался в груди у Киры.

Она схватилась за сердце, пошатнулась.

— Оно... чувствует меня, — прошептала она. — Оно знает, что я могу слышать.

Тут Варвара вытащила из кармана маленький предмет и сунула его Кире в свободную руку.

— Держи. Это брелок с рынка. Там продавец сказал, что это «камень тишины». Не знаю, правда ли, но мне с ним спокойнее.

Кира сжала брелок, и сердцебиение в ящике на секунду сбилось с ритма, а потом пошло чуть тише.

— Спасибо, — выдохнула она. — Кажется, это действительно работает.

Глеб хмыкнул.

— Значит, у нас теперь есть артефакт «Камень тишины» против ящика-монстра. Отлично. Добавим его в меню как новую приправу: «Тишина, запечённая с розмарином».

Кира слабо улыбнулась, и эта улыбка была как луч света в сыром подвале.

— Ты сумасшедший, — сказала она. — Но мне это нравится.

Игорь снова посмотрел на ящик. На символы. На своих спутников — на испуганную, но упрямую Варвару, на практичного Глеба, на Киру, которая держалась только на силе воли и каком-то брелоке с рынка. И понял: они не уйдут.

Они должны разобраться.

— Хорошо, — сказал он. — Мы не будем открывать. Но мы должны понять, что внутри. Есть идеи?

Кира закрыла глаза, сжала в одной руке амулет с Глазом Гора, в другой — брелок, и медленно потянулась к символу Анубиса, не касаясь его, а лишь держа пальцы в миллиметре от металла.

— Я попробую услышать не слова, — прошептала она. — А чувства.

На секунду подвал исчез. Вместо него Кира увидела не комнату, а весы. Огромные, каменные, с чашами, которые качались туда-сюда, не находя равновесия. На одной чаше лежали воспоминания — яркие, горячие, как угли. На другой — тишина. И кто-то в тени шептал: «Анубис ждёт. Он должен взвесить сердце».

А потом видение рассыпалось, и Кира снова стояла в подвале, дрожащая, но с ясностью в глазах.

— Это не просто ящик, — сказала она, открывая глаза. — Это весы. Они хранят равновесие между памятью и забвением. И кто-то хочет его нарушить.

В этот момент из глубины подвала снова донёсся голос, теперь громче и чётче:

— Они уже здесь.

Но на этот раз Игорь тоже его слышал.

Подвал будто затаил дыхание. Даже сырость теперь каза-

лась не просто влагой, а чем-то живым — она оседала на коже, шептала: «Не трогай. Не смотри». Ящик по-прежнему тихо постукивал, будто отсчитывал секунды до чего-то важного.

Кира стояла перед ним, сжимая в одной руке амулет с Глазом Гора, в другой — тот самый «камень тишины» с рынка. Её била мелкая дрожь, но голос звучал твёрдо:

— Если это весы Анубиса, то они не любят спешки. Они любят равновесие. А мы сейчас как чашка чая, которую трясут в метро.

Игорь хмыкнул, стараясь скрыть, что ему жутко:

— Значит, нам нужен покой. И, желательно, без сердцебиения из ящика.

Глеб, который до этого нервно теребил край кителя, вдруг выпрямился:

— Покой у меня есть. У меня есть бульон.

Все уставились на него.

— Не смотрите так, — буркнул Глеб. — У меня в термосе идеальный куриный бульон. Тёплый, прозрачный, как слеза философа. В нём столько ума и спокойствия, что даже мой кот перестаёт сбрасывать цветы с подоконника.

Варвара хихикнула, и этот звук, нелепый и живой, будто стёр часть напряжения:

— Ты хочешь напоить ящик бульоном?

— Нет, — терпеливо сказал Глеб. — Я хочу, чтобы Кира выпила. Ей нужно заземлиться. Медиумы, я читал, теряют опору, когда слишком много «слышат». А бульон — это как якорь из вкуса.

Кира посмотрела на него так, будто увидела впервые. Потом улыбнулась:

— Знаешь, ты странный. Но, кажется, ты прав.

Она сделала пару глотков, зажмурилась, а потом выдохнула, и плечи её чуть опустились, перестали быть натянутыми, как струны.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Теперь я могу думать.

Игорь покосился на ящик, будто тот мог обидеться на то, что его игнорируют:

— Ладно. Допустим, мы не открываем. Но как тогда узнать, что внутри?

Кира открыла глаза и посмотрела на ящик не как на коробку, а как на запертую дверь в чью-то чужую, очень старую жизнь.

— Есть способы увидеть, не открывая. В древних текстах писали про «зеркало без стекла». Это может быть вода, дым,

даже отполированный металл. Главное — чтобы поверхность могла удержать тень истины.

Глеб тут же оживился:

— У меня есть сковорода. Очень блестящая. И если её нагреть, пойдёт лёгкий пар. Это считается?

— Считается, — кивнула Кира. — Если мы сделаем всё правильно.

Они быстро, но осторожно расчистили небольшое пространство перед ящиком. Варвара нашла в углу старое ведро, налила туда воды из проржавевшей трубы — вода была ледяной и пахла железом, но в этом запахе было что-то честное, без мистической лжи. Глеб поставил сковороду на переносную горелку, насыпал щепотку смеси Ра и поджёг. Пар поднялся, лёгкий, золотистый, будто в нём застряли солнечные крошки.

Кира встала так, чтобы отражение в сковороде ловило свет от фонарика Игоря, и прошептала:

— Анубис, хранитель порога, позволь нам увидеть, но не пробуждать. Пусть это будет только тень правды, а не её голос.

На поверхности пара что-то дрогнуло. Сначала просто рябь, потом — очертания. Не вещи, а эмоции. Кира видела не предметы, а их «вес»:

Статуэтка Анубиса — тяжёлая, как камень на груди, как

чувство вины, которое не отпускает.

Свиток с именем Сета — острый, как лезвие, от него хотелось отшатнуться: он нёс в себе ярость и жажду разрушения.

Диск Ра — тёплый, почти родной, он будто пытался удерживать остальные предметы от падения в хаос.

Но самое страшное было внизу, под ними: маленькая чаша с чёрным порошком, от которой веяло такой пустотой, что у Киры перехватило дыхание.

— Это... — она сглотнула. — Это «пыль забвения». В легендах её использовали, чтобы стереть воспоминания. Но она не стирает. Она вытягивает их, как воду из колодца, и оставляет только тень человека.

Игорь, который до этого старался держаться как на обычном осмотре места происшествия, вдруг тихо спросил:

— То есть тот поставщик... он не просто умер. Он... опустел?

Кира кивнула, не поднимая глаз:

— Да. Кто-то использовал чашу. И теперь его страх живёт в этих стенах.

В этот момент пар над сковородой дрогнул, и в отражении мелькнуло лицо — не чьё-то конкретное, а собирательное, с чертами всех троих богов сразу: спокойный профиль Ану-биса, пылающие глаза Сета, золотой ореол Ра. И голос, низкий и ровный, произнёс:

— Весы склоняются. Равновесие нарушено. Тот, кто ищет забвение, приносит смерть.

Варвара тихо всхлипнула и прижалась к Глебу:

— Я не хочу больше тайн. Я хочу просто подавать десерты и чтобы гости улыбались.

Глеб обнял её за плечи, не сводя взгляда с отражения:

— Мы почти закончили. Ещё секунда.

Кира протянула руку и провела пальцами по пару, не касаясь сковороды, а будто стирая лишнее:

— Покажи мне не силу, — прошептала она. — Покажи мне путь. Где искать того, кто это начал?

Пар снова дрогнул, и на этот раз в нём проступил не образ, а направление: стрелка из света, указывающая куда-то в сторону старых коллекторов под кварталом. И рядом — слово, написанное иероглифами, но Кира услышала его как русское: «Хургада».

— Он там, — выдохнула она. — Тот, кто начал. Он либо там, либо оттуда всё пришло.

И тут ящик перестал стучать. На секунду в подвале стало так тихо, что слышно было, как капает вода где-то далеко. А потом из глубины донёсся другой звук — не голос, а смех. Тихий, сухой, как шелест папируса.

— Вы думаете, что увидели всё, — прошептал смех. —

Но вы видели только то, что вам позволили.

Все замерли. Даже пар над сковородой будто съёжился.

Глеб первым нарушил тишину:

— Ну, это было... гостеприимно. В стиле «добро пожаловать, но лучше уходите».

Кира рассмеялась, и смех её был немного истеричным, но настоящим:

— Знаешь, если бы это был ресторанный отзыв, я бы поставила одну звезду за атмосферу и ноль за сервис.

Варвара шмыгнула носом и тоже хихикнула:

— И за обслуживание — минус сто. Официант не предупредил, что в меню есть проклятия.

Игорь посмотрел на них троих — на испуганных, но не сдавшихся, на тех, кто шутил, чтобы не заплакать, — и вдруг почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло. Не скепсис, а... доверие.

— Ладно, — сказал он, убирая фонарик. — Мы знаем направление. Мы знаем, что ищем. И мы знаем, что шутки здесь — это тоже защита. Так что держитесь за свои шутки, как за спасательные круги.

Он протянул руку и помог Кире встать.

— Пошли. Сначала вверх. Потом будем решать, как до-

браться до Хургады и кто из нас полетит, а кто останется держать оборону здесь.

Они двинулись к лестнице, и с каждым шагом подвал будто неохотно отпускал их. Но на пороге Кира остановилась и оглянулась.

— Спасибо, — тихо сказала она ящику. — За то, что не забрал больше, чем мог.

И ящик ей не ответил. Но в тишине подвала прозвучало что-то похожее на вздох — усталый, древний, будто он и сам был рад, что на сегодня хватит.

Коллекторы под Питером были не просто трубами и бетонными сводами — это был город под городом: сырой, тёмный, с собственным ритмом, который чувствовался в капели, в гуле воды, в том, как воздух здесь будто оседал на плечах тяжёлым плащом.

Игорь шёл впереди, водя лучом фонарика по стенам. Луч выхватывал то ржавые скобы, то старые надписи, то странные выемки, похожие на ниши. В одной из них Кира заметила маленький свёрток ткани, перевязанный грубой нитью. Она потянулась было к нему, но Глеб резко схватил её за запястье.

— Не трогай, — выдохнул он. — В подвалах и коллекторах вещи не просто так лежат. Они ждут.

Кира замерла, потом медленно кивнула.

— Ты прав. Это... как ловушка для памяти. Кто-то оставил здесь свой страх, чтобы он копился.

Варвара, которая держалась поближе к Глебу, тихо прошептала:

— Я думала, самое страшное — это когда гость жалуется, что суп холодный. А тут... тут стены слушают.

Глеб хмыкнул, но в этом звуке не было веселья — только попытка удержать голос ровным.

— Значит, будем говорить только о хорошем. О пирогах. О солнце. О том, что наверху есть небо, и оно не бетонное. Кира слабо улыбнулась:

— О кофе. С молоком. И чтобы ложка звенела о чашку. Игорь покосился на них, будто хотел сказать «мы тут не на пикнике», но вместо этого тихо добавил:

— И о том, что мы отсюда выйдем. Все. Это прозвучало как обещание. И все трое ухватились за него, как за верёвку над пропастью.

Они шли дальше, и чем глубже спускались, тем чаще тени на стенах начинали шевелиться. Не как дым, не как пар — а как складки тьмы, которые вдруг становились чуть плотнее, чуть длиннее, будто примеряли чужие силуэты.

И тогда тени начали шептать.

Сначала это был просто шорох, похожий на движение крыс где-то далеко. Потом из шороха стали проступать слова.

— Игорь... — прошептала тень у стены, низким, чужим голосом. — Ты не сможешь всё объяснить.

Он замер, стиснув фонарик так, что побелели костяшки.

— Это... акустика, — пробормотал он, но даже ему самому фраза прозвучала жалко.

Кира закрыла глаза, прислушиваясь не к звуку, а к тому, как этот звук отдаётся внутри.

— Это не акустика, — тихо сказала она. — Это память места. Коллекторы помнят всех, кто здесь ходил. И теперь они... пробуют голоса.

Тень справа шевельнулась и произнесла:

— Кира... ты слишком много слышишь. Тебе больно будет помнить.

Она вздрогнула, но не отшатнулась.

— Я знаю, — ответила она тени, как живому человеку. — Но если я не буду слышать, кто тогда услышит?

Глеб достал из кармана баночку со смесью Ра и высыпал щепотку на ладонь. Он растер её пальцами, и воздух тут же наполнился тёплым, цитрусовым запахом, будто в сыром

коллекторе на секунду повеяло южным ветром. Тени отпрянули, стали прозрачнее, будто им было неприятно это тепло.

— Работает, — выдохнул Глеб. — Ра не любит тьму, которая притворяется живой.

Но стоило им пройти ещё десяток шагов, как тени снова сгустились. И теперь они шептали не отдельные слова, а имена:

— Сет...

— Анубис...

— Ра...

Каждое имя звучало как удар.

Кира остановилась, прижав пальцы к вискам.

— Они не просто шепчут, — сказала она. — Они зовут. Как будто здесь есть место, где эти имена — не слова, а двери.

В этот момент Варвара тихо вскрикнула и указала на стену. Там, в нише, стоял маленький глиняный сосуд с отбитым краем. Из него слабо тянуло дымом — хотя внутри не было огня.

— Благовония, — прошептала Кира. — Кто-то зажигал их здесь. Совсем недавно.

Глеб осторожно, двумя пальцами, поднял сосуд и понюхал.

— Смесь странная, — пробормотал он. — Здесь есть мирра, ладан... и что-то ещё. Что-то горькое. Как пепел.

Кира взяла сосуд, закрыла глаза и на секунду замерла. Когда она открыла их, в них было что-то новое — усталость и решимость одновременно.

— Это «дым Сета», — сказала она. — Он делает тьму громче. Тот, кто зажигал его, хотел, чтобы тени говорили. И они говорили ему.

Игорь наклонился и заметил на полу, прямо под нишей, едва заметные царапины. Он провёл по ним пальцем, потом достал телефон и сфотографировал.

— Здесь что-то стояло, — сказал он. — Тяжёлое. И его двигали.

Варвара присела на корточки и провела рукой по бетону.

— А тут... — она подняла что-то маленькое и блестящее. — Ключ. Старый. С узором.

Кира взяла ключ, и в тот же миг тени вокруг будто затаили дыхание. На металле тускло мерцали выгравированные символы: голова шакала, солнечный диск и змея.

— Анубис, Ра, Сет, — выдохнула Кира. — Три ключа. Три силы. И этот... он подходит к ящику.

Игорь посмотрел на ключ, на тени, на своих спутников —

и вдруг понял, что они уже не просто ищут улику. Они шли по следу чего-то древнего, что проснулось в сырых недрах города.

Тут из темноты донёсся новый голос. Не шёпот, а спокойный, низкий, будто говоривший стоял рядом, хотя никого не было.

— Тот, кто ищет забвение, всегда оставляет следы. Потому что страх не исчезает. Он течёт, как вода.

Все замерли. Даже тени на секунду перестали шевелиться.

— Кто это? — тихо спросил Игорь.

Кира покачала головой:

— Не человек. Это... эхо жреца. Очень старое. Оно живёт в стенах, потому что ему некуда идти.

Глеб нервно постучал пальцами по банке со смесью Ра.

— То есть у нас тут не просто коллектор, — пробормотал он. — А общежитие для древних голосов. Отлично. Теперь я точно буду мечтать о смене работы.

Варвара хихикнула, но тут же прикрыла рот рукой, будто испугалась, что смех может разозлить тьму.

— Прости, — прошептала она. — Просто... если не смеяться, я заплачу.

Кира шагнула к ней и обняла, не отпуская ни сосуд, ни ключ.

— Плакать тоже можно, — тихо сказала она. — Но давай сначала выберемся. А плакать будем наверху. Где пахнет не сыростью, а хлебом.

Глеб фыркнул:

— С моим хлебом. Я испеку такой пирог, что даже эти тени захотят кусочек.

И тут тени снова шевельнулись. Но теперь они не шептали имена. Они складывались в узор — тонкие линии, будто нарисованные углём, сплетались в символ. Глаз Гора.

— Он показывает путь, — прошептала Кира. — Туда.

Луч фонарика Игоря скользнул по стене и выхватил из темноты ещё одну нишу. В ней стоял небольшой ящик — не такой массивный, как в подвале ресторана, но такой же «неправильный»: будто сам воздух рядом с ним становился гуще.

На крышке ящика лежал свёрнутый папирус.

Кира протянула руку, но не коснулась.

— Сначала нужно уравновесить, — сказала она. — Иначе он откроет не то, что мы хотим.

Она достала амулет с Глазом Гора и приложила его к груди, как щит. Потом взяла щепотку смеси Ра и бросила перед ящиком. Дым поднялся, золотистый, тёплый, и на секунду осветил то, что было скрыто.

А потом из ящика донёсся голос. Не шёпот. Не эхо. А настоящий, человеческий голос, искажённый, будто говоривший был очень далеко — или очень давно.

— Весы Анубиса не любят спешки. Но они любят правду. Скажи правду, и они покажут путь.

Кира сглотнула.

— Правда... — повторила она. — Правда в том, что я боюсь. Боюсь, что если я услышу слишком много, то перестану быть собой.

Ящик тихо щёлкнул. Крышка приоткрылась ровно настолько, чтобы оттуда выпал ещё один предмет — маленький бронзовый диск с выгравированным солнцем.

Глеб поднял его и повертел в пальцах.

— Похоже на значок, — пробормотал он. — Только очень старый.

Кира коснулась диска, и перед её глазами вспыхнула картина: не видение, а воспоминание, чужое и тяжёлое.

Она увидела Хургаду. Ночной порт. Силуэт человека в длинном плаще, который отдаёт приказ: «Пусть тени говорят. Пусть они зовут». И рядом — ящик, похожий на тот, что был в подвале, только новый, ещё не тронутый временем.

Когда видение рассеялось, Кира стояла, дрожа, но с прямой спиной.

— Это он, — сказала она. — «Заказчик». Он был там. И он знает, как заставить тени шептать.

Игорь посмотрел на папирус, на бронзовый диск, на ключ в руке Кире — и наконец позволил себе признать то, что уже давно крутилось на языке:

— Ладно. Я больше не буду искать этому обычное объяснение. Потому что обычного тут нет.

Глеб криво улыбнулся:

— Наконец-то. А то я уже думал, что придётся доказывать, что смесь специй — это не просто моя кулинарная блажь.

Варвара тихо вздохнула:

— А я думала, что самое страшное в моей работе — это когда гость просит заменить блюдо три раза. А тут... тут реально страшно. Но... мы вместе. И это помогает.

Кира посмотрела на них — на этих троих, таких разных, таких перепуганных, но не бросивших её в темноте, — и впервые за долгое время почувствовала, что не одна.

— Спасибо, — тихо сказала она. — За то, что вы здесь. Даже когда тут шепчут имена богов.

Игорь сунул папирус в карман и кивнул на проход дальше:

— Пошли. Мы знаем, что ищем. Мы знаем, кто это начал.

И мы знаем, что шутки тут — не просто шутки. Это наш способ не сойти с ума.

Они двинулись вперёд, и тени отступали перед золотистым дымом Ра, словно не решаясь спорить с солнцем — даже таким маленьким, как щепотка специй в руке повара.

Коллекторы под Питером не сдавались просто так. Каждый поворот коридора будто нарочно удлинялся, своды опускались ниже, а воздух становился гуще, словно город намеренно пытался задержать их, не пустить к разгадке. Луч фонарика Игоря выхватывал из темноты то ржавые трубы, то старые граффити, то ниши, в которых, казалось, кто-то только что стоял — и исчез, едва свет коснулся стены.

Кира шла чуть позади, сжимая в пальцах бронзовый диск с солнцем. Он уже не был просто куском металла: он стал якорем, точкой опоры, за которую можно держаться, когда мир вокруг начинает шептать чужими голосами. Глеб шёл рядом, время от времени бросая щепотку смеси Ра на ладонь и растирая её — золотистый запах цитруса и тепла на секунду разгонял тьму, и тени отступали, будто стесняясь дневного света, даже такого маленького.

Варвара держалась поближе к Глебу, но теперь в её взгляде было не только испуганное ожидание, а ещё и упрямая решимость. Она то и дело оглядывалась, будто проверяла, не отстаёт ли кто, и каждый раз, замечая, что все на месте, чуть заметно кивала, как будто говорила себе: «Мы справимся».

— Ещё немного, — пробормотал Игорь, глядя на царапи-

ны на полу, которые вели их вперёд, как молчаливые указатели. — Здесь кто-то ходил совсем недавно. И он знал, куда идёт.

Кира остановилась у очередной ниши и коснулась пальцами шероховатой стены. На секунду её лицо исказилось, будто она прикусила что-то горькое.

— Здесь жгли благовония, — прошептала она. — Много. И не обычные. Тут есть мирра, ладан... и ещё что-то. Что-то, что пахнет как... как сухая молния.

Глеб нахмурился:

— Сухая молния? Это как?

Кира пожала плечами, пытаясь подобрать слова:

— Как если бы ты смешал грозу с пеплом. Это... благовония Сета. Они делают тьму громче.

Игорь хотел было сказать что-то скептическое, но тут из темноты донёсся тихий, ровный голос:

— Тот, кто зовёт Сета, не ищет света. Он ищет силы в хаосе.

Все замерли. Даже тени на стенах будто перестали шевелиться, прислушиваясь.

— Это опять эхо? — тихо спросил Игорь.

Кира покачала головой:

— Нет. Это... как запись. Очень старая. Кто-то когда-то

произнёс эти слова здесь, и место их запомнило. Теперь оно повторяет.

Глеб нервно потёр банку со смесью Ра:

— Значит, у нас тут не коллектор, а автоответчик из Древнего Египта. Отлично. Теперь я точно буду мечтать о смене работы. На что-нибудь тихое. Например, библиотекарь. Или смотритель маяка. Где нет теней, которые цитируют богов.

Варвара хихикнула, но тут же прикрыла рот рукой, будто испугалась, что смех может разозлить тьму.

— Прости, — прошептала она. — Просто... если не смеяться, я заплачу.

Кира шагнула к ней и обняла, не отпуская ни диск, ни амулет.

— Плакать тоже можно, — тихо сказала она. — Но давай сначала выберемся. А плакать будем наверху. Где пахнет не сыростью, а хлебом. И кофе. Много кофе.

Глеб фыркнул:

— С корицей. И чтобы ложка обязательно звенела о чашку. Это важно. Звук — это якорь.

Игорь посмотрел на них троих, на их испуганные, но упрямые лица, и вдруг понял, что впервые за долгое время ему не хочется быть «тем, кто всё объясняет». Ему хотелось просто

быть рядом.

— Ладно, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Мы почти на месте. Видите эти царапины? Они ведут к следующей развилке. Там должна быть ниша. И в ней — то, что мы ищем.

И он не ошибся.

Ниша оказалась глубже и темнее остальных. В ней стоял небольшой ящик, похожий на тот, что был в подвале ресторана, но этот был покрыт не пылью, а тонким слоем копоти, будто его специально закоптили благовониями. На крышке лежал свёрнутый папирус, перевязанный грубой нитью, на которой тускло поблёскивали крошечные бусины с выгравированными символами.

Кира подошла ближе, но не коснулась папируса. Вместо этого она закрыла глаза и медленно втянула воздух.

— Здесь пахнет Хатор, — прошептала она. — Богиня любви, музыки, радости... но здесь её запах горький. Как если бы радость взяли и выжали досуха.

Глеб тихо присвистнул:

— То есть даже богиня любви тут звучит как предупреждение?

— Именно, — кивнула Кира. — Это не её место. Её сила здесь искажается. Как музыка, которую играют на сломанном инструменте.

Варвара осторожно присела на корточки и провела паль-

цем по бусинам на нити.

— Тут... тут узор, — прошептала она. — Он похож на карту. Или на схему.

Игорь наклонился и присмотрелся. И вдруг понял: это действительно была схема. Не карта улиц, а схема подземных ходов, с отметками и стрелками. И в одном углу, почти стёртом, было выведено несколько иероглифов, которые он не мог прочитать.

— Нам нужна Марьям, — сказала Кира, будто прочитав его мысли. — Она поймёт.

Она достала телефон, но сеть, конечно, не ловила.

— Типично, — пробурчал Глеб. — В коллекторе, где стены помнят слова жрецов, нет мобильного интернета. Мир несправедлив.

Варвара хихикнула:

— Зато тут есть мы. И это уже что-то.

Кира улыбнулась ей, и эта улыбка была как маленькая искра в темноте.

Они вернулись наверх, в подсобку ресторана «Чёрный Нил», где воздух был хоть и пропитан запахами специй, но казался почти свежим после сырости коллекторов. Зоя Воронцова встретила их у двери, прямая, как лезвие, и смотрела так, будто знала, что они принесли с собой не просто улики, а часть тьмы, которую не так просто смыть.

— Ну, — сказала она, не тратя время на приветствия. — Что нашли?

Игорь положил на стол папирус и схему.

— Это из коллектора, — сказал он. — Там жгли благово-
ния. Много. И кто-то недавно ходил по этим ходам.

Зоя посмотрела на папирус, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на страх.

— Это не просто старые записи, — тихо сказала она. — Это... приглашение.

Кира нахмурилась:

— Приглашение? Кому?

Зоя покачала головой:

— Не знаю. Но такие вещи не оставляют просто так. Их кладут туда, где их найдут те, кто должен.

В этот момент дверь кухни распахнулась, и оттуда выско-
чил ещё один персонаж — незнакомый, но явно свой в этом
странном мире.

— Вы вернулись! — выдохнул он, вытирая руки о поло-
тенце. — Я думал, коллекторы вас съели.

Это был Руслан, су-шеф Глеба. Молодой, энергичный,
с глазами, в которых читалось: «Я знаю, что тут творится
что-то странное, но я буду делать свою работу, пока не ска-

жут остановиться».

Глеб хлопнул его по плечу:

— Руслан, познакомься: это Игорь, Кира и Варвара. Мы только что вернулись из города под городом. И, честно говоря, нам бы сейчас кофе. Много кофе. И, возможно, пирог.

Руслан кивнул, будто это было самое обычное начало дня:

— Кофе будет через три минуты. Пирог — через пять. А пока... — он покосился на папирус. — Это то, что вы нашли внизу?

Кира кивнула:

— Да. И нам нужно его расшифровать.

Тут телефон Игоря наконец поймал сеть, и пришло сообщение от Марьям: «Не трогайте папирус голыми руками. На нём могут быть следы ритуала. Я приеду через час. И возьмите перчатки».

Глеб хмыкнул:

— Перчатки. Как будто мы идём не раскрывать заговор, а мыть посуду.

Руслан фыркнул:

— В нашем деле перчатки — это вообще главный оберег. От проклятий, от ожогов и от несправедливых отзывов.

Варвара рассмеялась, и этот смех, лёгкий и живой, будто стёр часть тяжести, которую они принесли с собой из кол-лекторов.

Марьям приехала ровно через час — в длинном пальто, с сумкой, набитой книгами, лупами и какими-то странными мешочками с травами. Она была из тех людей, которые выглядят так, будто знают больше, чем готовы рассказать, и делают это не из вредности, а потому, что некоторые знания опасны.

Она надела тонкие перчатки, аккуратно развернула папирус и долго смотрела на него, водя пальцем по строкам, но не касаясь чернил.

— Это не обычный текст, — наконец сказала она. — Это... инструкция. И одновременно предупреждение. Здесь говорится о ритуале, который должен «стереть» воспомина-ния. Но цена — чужие жизни.

Кира сжала кулаки:

— То есть тот, кто это начал, хочет забыть что-то настоль-ко страшное, что готов убивать ради этого?

Марьям кивнула, не поднимая глаз:

— Да. И здесь есть имена.

Она провела пальцем по папирусу, и голос её стал тише, будто она боялась разбудить слова:

— Амон. Исида. Хатор. Это не просто имена богов. Это...

ключи. Каждый из них открывает определённую дверь в сознании. Амон — власть и знание. Исида — память и материнство. Хатор — любовь и радость. Тот, кто использует их вместе, пытается стереть не просто событие, а целую личность.

Игорь почувствовал, как по спине пробежал холодок:

— И кто это делает?

Марьям помолчала, потом подняла глаза на Киру:

— Здесь есть ещё одно имя. Не бога. Человека.

Кира замерла:

— Кого?

Марьям медленно произнесла:

— Мещерский.

Тишина в комнате стала густой, почти осязаемой.

— Это... — Кира сглотнула. — Это фамилия моего отца.

Никто не произнёс ни слова. Даже Глеб, который всегда находил что сказать, сейчас просто стоял и смотрел на Киру, будто боялся, что любое слово может её сломать.

Наконец, Марьям тихо добавила:

— Здесь не сказано, что он «Заказчик». Но его имя связано с этим ритуалом. Возможно, он был частью чего-то мно-

го лет назад. Или кто-то использует его имя, чтобы запутать следы.

Кира закрыла глаза, и на секунду Игорь увидел, как она борется с собой — с желанием всё бросить и убежать, и с необходимостью идти до конца.

— Я должна это узнать, — прошептала она. — Даже если это про моего отца. Даже если... это будет больно.

Глеб шагнул к ней и положил руку ей на плечо:

— Мы будем рядом, — сказал он просто. — Даже если тени начнут шептать его имя.

Руслан, который до этого молча стоял в дверях, вдруг сказал:

— А я заварю ещё кофе. Потому что... ну, кофе помогает. Даже когда мир рушится.

Варвара подошла к Кире и взяла её за руку:

— Ты не одна, — тихо сказала она. — Мы все здесь. И мы не позволим тьме забрать тебя.

Зоя, которая до этого стояла у окна, глядя на серый питерский дождь, вдруг повернулась и сказала:

— У меня есть ещё один человек, который может помочь. Медиум. Старая подруга. Она живёт на Васильевском, знает город лучше, чем любой навигатор, и видит то, что другие

не замечают.

Кира подняла глаза:

— Кто она?

— Её зовут Лея, — сказала Зоя. — И она... особенная. Она не слышит голоса, как ты. Она чувствует намерения. И если кто-то в этом городе хочет стереть память, Лея это почувствует.

Лея оказалась женщиной лет шестидесяти, с седыми волосами, собранными в небрежный пучок, и глазами, в которых было столько усталости и столько мудрости, что казалось, будто она видела все тайны города и всё равно решила остаться.

Её квартира была похожа на музей и на библиотеку одновременно: на полках стояли статуэтки богов, связки трав, старые книги и странные предметы, назначение которых хотелось не выяснять. В воздухе витал густой, пряный запах благовоний — не тех, что жгут для красоты, а тех, что используют как щит.

— Садитесь, — сказала Лея, не тратя время на лишние слова. — Вы принесли с собой тень. Я её чувствую.

Кира села на стул, сжимая в руках амулет и бронзовый диск.

— Мы нашли папирус, — сказала она. — И там... там имя моего отца.

Лея кивнула, будто это не было для неё новостью:

— Имена имеют вес, — тихо сказала она. — Особенно когда их пишут на папирусах, пропитанных ритуалом. Они становятся якорями. И тянут за собой тех, кто с ними связан.

Она взяла папирус (тоже в перчатках), посмотрела на него, потом закрыла глаза и провела ладонью над поверхностью, не касаясь.

— Здесь много слоёв, — прошептала она. — Ритуал писали несколько человек. И один из них... он боялся. Очень сильно. Его страх пропитал чернила.

Кира почувствовала, как внутри всё сжимается:

— Это мог быть мой отец?

Лея помолчала, потом покачала головой:

— Не знаю. Но я чувствую, что кто-то тянет эту нить. И он тянет её к Хургаде.

Глеб, который до этого старался держаться в стороне, вдруг спросил:

— Почему именно туда?

— Потому что там всё началось, — сказала Лея. — Хургада — это узел. Там пересекаются пути. И там есть место, где граница между мирами тоньше, чем где-либо ещё.

Варвара тихо спросила:

— А что нам делать?

Лея посмотрела на неё, и в её взгляде была не угроза, а забота:

— Держаться вместе. И не позволять страху стать оружием против вас. Страх — это тоже благовоние. Его жгут, чтобы призвать тьму. Не давайте ему гореть.

Руслан, который принёс с собой термос с чаем, тихо сказал:

— Тогда мы будем жечь другое благовоние. Чай. И пироги. И разговоры о хорошем.

Глеб улыбнулся ему:

— Ты гений. Самый странный, но самый нужный.

Кира наконец выдохнула, и плечи её чуть опустились, будто с них сняли невидимый груз.

— Спасибо, — прошептала она. — За то, что не даёте мне утонуть.

Игорь, который до этого молчал, вдруг сказал:

— Мы дойдём до конца. Даже если конец окажется там, где мы не хотим его видеть.

Глава 2.

История Леи: лёд, песок и папирус

Квартира Леи пахла так, будто в ней одновременно жили библиотека, храм и кухня старого мира: тут смешивались запахи сандала, корицы, сушёных трав, старой бумаги и чего-то едва уловимого, похожего на морозный воздух. На полках стояли статуэтки богов — Амон смотрел строго, Исида держала в руках символ вечности, а Хатор улыбалась так мягко, что от этой улыбки становилось и спокойнее, и чуть-чуть страшнее: будто она знала все твои радости и все твои слабости.

Кира сидела на низком стуле, сжимая в пальцах бронзовый диск с солнцем, и пыталась не смотреть на статуэтку Хатор слишком долго: ей казалось, что богиня вот-вот подмигнёт и скажет: «Ну, рассказывай. Я всё пойму».

Глеб, который не любил тишины, первым нарушил молчание:

— У вас тут... как в музее, только можно трогать. И пахнет как в лучшем ресторане, если бы ресторан был посвящён древним проклятиям.

Лея едва заметно улыбнулась, и эта улыбка была как тёплый свет в длинной, сырой пещере:

— Проклятия пахнут пылью и страхом. А у меня пахнет памятью. Это другое.

Руслан, стоявший у двери с термосом в руках, тихо сказал:

— Я принёс чай. С мятой и мёдом. Если память бывает тяжёлой, пусть будет хоть чай сладким.

Варвара благодарно кивнула ему, будто этот термос был спасательным кругом.

— Спасибо, — прошептала она. — Когда вокруг столько древних тайн, хочется просто услышать, что кто-то заварил свежий чай.

Игорь, который до этого молча изучал комнату, наконец спросил:

— Вы сказали, что знаете город лучше любого навигатора. Как?

Лея села напротив, положила ладони на стол, будто ставя невидимую границу между прошлым и настоящим, и заговорила. Её голос был негромким, но таким, что хотелось слушать, даже если бы она читала список покупок.

— Когда-то я была не медиумом, а учёным, — сказала Лея. — Физиком. Занималась полярными исследованиями. Антарктида. Там тишина такая, что слышишь, как растёт лёд. И в этой тишине начинаешь слышать... другое.

Кира вздрогнула, будто кто-то провёл ледяной рукой по её позвоночнику:

— Антарктида? Но как это связано с Египтом?

Лея кивнула, будто ждала этого вопроса:

— Всё связано. В Антарктиде мы бурили лёд, чтобы прочитать прошлое планеты. Каждый слой — это год, десятилетие, век. Мы читали климат, как книгу. А потом я начала замечать странности. В некоторых слоях были микрочастицы, которые не могли туда попасть естественным путём. Песок Сахары. Пыльца растений, которые росли в долине Нила тысячи лет назад. И... следы органических соединений, похожих на остатки благовоний.

Глеб приподнял бровь:

— То есть вы нашли древнеегипетские духи в антарктическом льду?

— Не духи, — спокойно поправила Лея. — Следы ритуалов. И не просто следы. Узоры. Тонкие, как капилляры. Они повторяли схемы, которые я позже видела в текстах по египетской космологии.

Игорь нахмурился:

— Это звучит как... ненаучно.

Лея не обиделась. Она посмотрела на него так, будто видела не скептика, а человека, который просто боится поверить:

— Наука — это не только формулы. Это умение замечать,

когда мир начинает шептать. И когда он шепчет одно и то же на разных языках — в песках Египта и во льдах Антарктиды, — ты начинаешь искать общий язык.

Она встала и подошла к полке, сняла небольшую шкатулку и открыла её. Внутри лежал тонкий срез льда в прозрачной капсуле, рядом — крошечный свиток папируса, потемневший от времени.

— Это из одной экспедиции, — тихо сказала она. — Мы нашли этот папирус в ледяной пещере. Он был вложен в кристалл, будто его специально туда поместили. На нём были имена: Амон, Исида, Хатор. И одна фраза на смеси древнеегипетского и какого-то неизвестного диалекта: «Там, где лёд помнит песок, граница тоньше».

Кира наклонилась, не касаясь, но будто пытаясь прочесть не буквы, а эмоции, оставшиеся на папирусе:

— «Граница тоньше»... — повторила она. — Значит, есть места, где миры соприкасаются. И Антарктида — одно из них?

— Одно из, — кивнула Лея. — Но не единственное. Петербург — тоже. Здесь город стоит на стыке вод, ветров, эпох. Каналы — как вены. Подвалы и коллекторы — как корни. И если знать, куда смотреть, можно увидеть, как эти корни сплетаются с корнями других городов. С Александрией. С Фивами. С Хургадой.

В комнате стало тихо. Даже статуэтки, казалось, переста-

ли улыбаться.

Глеб почесал затылок:

— То есть наш Питер — это такой межконтинентальный портал, а мы ходим по нему и думаем, что просто опаздываем на автобус?

Руслан фыркнул:

— Теперь я буду извиняться перед каждым пассажиром, который толкается. Мол, простите, я не хотел тревожить границу миров.

Варвара хихикнула, и этот звук, лёгкий и живой, будто стёр часть тяжести.

— Простите, — пробормотала она. — Просто... если не смеяться, я начну плакать от масштаба.

Лея посмотрела на неё с тёплой, усталой улыбкой:

— Смейтесь. Смех — это тоже якорь. Как и чай. Как и знание, что ты не один.

— А Зоя? — спросила Кира. — Как она связана с этим?

Лея помолчала, будто подбирая слова, которые не разобьют старую дружбу:

— Зоя была археологом. Работала в Египте. В одной из экспедиций они нашли тайную комнату под храмом, посвящённым Хатор. Там были не сокровища, а... записи. О том,

как управлять памятью. Как стирать её. И как она возвращается, если стереть неправильно.

Кира сглотнула:

— И она привезла это сюда?

— Она пыталась спрятать, — тихо сказала Лея. — Думаю, что в Питере, среди дождя и ветра, это уснёт. Но вещи, пропитанные ритуалами, не спят. Они ждут.

Тут дверь тихо приоткрылась, и в комнату вошла ещё одна женщина. Молодая, с тёмными волосами, собранными в небрежный хвост, и глазами, в которых было столько настороженности, что казалось, будто она каждую секунду готова либо убежать, либо броситься на защиту.

— Прости, что опоздала, — сказала она, глядя на Лею. — Метро... оно сегодня как будто специально замедляло поездку.

— Всё в порядке, Майя, — спокойно сказала Лея. — Мы только начали.

Майя. Ещё один медиум. Кира почувствовала, как внутри что-то дрогнуло — не страх, а странное, почти родственное узнавание.

— Майя — моя ученица, — пояснила Лея. — Она чувствует не голоса, а намерения. Если кто-то хочет причинить вред, она это чувствует за квартал.

Майя неловко улыбнулась:

— Звучит круче, чем есть. На самом деле я просто очень хорошо чувствую, когда кто-то врёт. Особенно если врёт себе.

Глеб хмыкнул:

— Тогда ты в нашей команде будешь главным детектором лжи. Даже лучше полиграфа.

Майя рассмеялась, и этот смех был как глоток свежего воздуха:

— Главное, чтобы никто не пытался мне продать «чудесное средство от всех проклятий» за три копейки. Я сразу всё пойму.

Руслан кивнул:

— Договорились. Никаких сомнительных сделок. Только пироги. И чай.

Лея вернулась к столу и достала небольшую чашу с сухими травами:

— Сейчас мы сделаем кое-что, что поможет нам увидеть не глазами, а памятью.

Она взяла щепотку смеси и бросила на горячую пластину. Воздух тут же наполнился густым, пряным запахом — в нём были нотки ладана, мирры, чего-то горького и чего-то сладкого, как воспоминание о детстве.

— Это смесь для Хатор, — тихо сказала Лея. — Богиня радости, но и богиня границ. Она помогает увидеть, где кончается обычное и начинается... иное.

Кира закрыла глаза и вдохнула. И вдруг перед ней вспыхнули образы: не картинки, а ощущения. Холод Антарктиды. Жар Египта. И между ними — тонкая нить, как паутина, натянутая над пропастью.

— Я вижу... — прошептала она. — Я вижу, как они связаны. Не географически. А... эмоционально. Места хранят чувства. И если в двух местах люди испытывали одно и то же — страх, любовь, надежду, — между ними возникает связь. Как резонанс.

Игорь посмотрел на неё так, будто увидел впервые:

— Резонанс... — повторил он. — Как в физике.

Лея кивнула:

— Именно. Наука и мистика — это два языка, описывающие одно и то же. Только одни говорят формулами, другие — образами.

Майя, которая до этого стояла в стороне, тихо сказала:

— А я чувствую... что кто-то следит. Не здесь. Далеко. Но он знает, что мы ищем. И он боится, что мы найдём. Все замерли. Даже дым от благовоний будто стал тише. Глеб первым нарушил тишину:

— Ну, отлично. Значит, у нас есть не только межконтинентальные порталы и древние ритуалы. У нас ещё и преследователь. Прямо полный набор для хорошего триллера.

Руслан хмыкнул:

— Зато потом можно будет гордо сказать: «Я выжил в апокалипсисе и даже не опоздал на смену».

Варвара рассмеялась, и на этот раз смех был не от страха, а от того, что они всё ещё могут смеяться.

Архив Зои находился не в каком-нибудь скучном подвале, а в бывшей кладовке ресторана «Чёрный Нил», которую она превратила в святилище памяти: стеллажи до потолка, коробки с подписями на трёх языках, папки, перевязанные бечёвкой, и запах старой бумаги, который смешивался с ароматом специй так, будто даже прошлое здесь имело вкус.

— Здесь всё, что я не смогла забыть, — сказала Зоя, включая тусклую лампу. — И многое из того, что хотела бы.

Кира вошла первой, будто боялась, что комната её оттолкнёт. В руке она по привычке сжимала амулет с Глазом Гора — не как магический щит, а как точку опоры, за которую можно держаться, когда пол под ногами начинает казаться зыбким.

Глеб, как всегда, попытался разрядить напряжение:

— Если тут есть проклятие, надеюсь, оно хотя бы не ис-

портит мою смесь специй. Я столько над ней работал...

Руслан, тащивший стопку коробок, фыркнул:

— Проклятие, которое портит специи, — это уже личное оскорбление. За такое надо подавать жалобу. В Лигу защиты поваров.

Варвара хихикнула, и этот звук, лёгкий и живой, будто стёр часть тяжести, которая оседала на плечах, стоило только переступить порог архива.

Майя, медиум, который чувствовал намерения, остановилась у порога и прикрыла глаза.

— Здесь много страха, — тихо сказала она. — Но он старый. Как высохшая соль. Уже не жжёт, но всё ещё чувствуется.

Лея кивнула, не удивляясь:

— Старые архивы всегда пахнут страхом. Люди прячут сюда то, чего боялись показать миру.

Игорь, стараясь держаться как на обычном осмотре места происшествия, достал перчатки и кивнул на стеллажи:

— С чего начнём?

Зоя подошла к одной из полок и сняла коробку с аккуратной надписью: «Египет, 1996–1999. Экспедиция “Хатор”».

— Это самое важное, — сказала она. — Тогда мы нашли то, что не должны были.

Они разложили фотографии на длинном столе, который раньше служил разделочным, а теперь стал картой памяти. Снимки были плёночными, зернистыми, с тёплым оттенком времени. На одних — раскопки под палящим солнцем, на других — рабочие, уставшие, но с глазами, в которых ещё жила надежда.

И вдруг Кира замерла.

На одной фотографии группа археологов стояла у входа в небольшую нишу в скале. Лица были частично в тени, но один человек смотрел прямо в объектив — и у Киры перехватило дыхание.

Он был старше, чем она его помнила. Седина уже тронула виски, а в глазах была такая усталость, будто он знал слишком много и уже смирился с тем, что никто ему не поверит.

Это был отец Киры. Мещерский.

Она провела пальцем по стеклу, не касаясь, как будто боялась, что фотография рассыплется от прикосновения.

— Это он, — прошептала она. — Мой отец.

В комнате стало тихо. Даже шуршание бумаг прекратилось.

Глеб хотел было что-то сказать, но только молча положил руку на спинку стула рядом с Кирой — не касаясь её, но давая понять: «Я здесь».

Зоя медленно кивнула:

— Да. Он был в нашей команде. Один из лучших специалистов по текстам. И один из самых осторожных. Он первым сказал: «Не трогайте это. Оно не хочет, чтобы его нашли».

Кира перевернула фотографию. На обороте аккуратным, немного дрожащим почерком было выведено: «Фивы. Не верь тишине».

Слова ударили сильнее, чем крик.

— «Не верь тишине»... — повторила Кира. — Он знал. Он знал, что тишина — это ловушка.

Лея тихо села рядом:

— В науке, в полярных исследованиях, в раскопках тишина бывает самой громкой вещью на свете. Когда всё слишком спокойно — значит, что-то готовится.

Майя подошла ближе и осторожно коснулась края фотографии:

— Я чувствую... не его. А чьё-то намерение рядом с ним. Кто-то следил за ним. И хотел, чтобы он нашёл это место.

Игорь нахмурился:

— То есть его могли использовать?

— Могли, — кивнула Лея. — Или он сам пошёл до конца, потому что не умел останавливаться.

Кира сжала кулаки, и на секунду в её глазах мелькнуло

что-то жёсткое, почти холодное:

— Тогда я тоже не остановлюсь.

Руслан, который до этого молча перебирал папки, вдруг поднял голову:

— Простите, что перебиваю... но тут есть ещё одна коробка. С наклейкой «Антарктида. Лея».

Все посмотрели на него.

Лея вздохнула, будто знала, что этот момент настанет:

— Да. Это мои записи из экспедиции. Там есть связь. Не очевидная, но она есть.

Она открыла коробку и достала тонкую тетрадь в водонепроницаемой обложке. Страницы были исписаны мелким, аккуратным почерком, между строками — схемы, графики, фотографии тонких срезов льда.

— Мы бурили лёд, чтобы читать прошлое, — тихо сказала Лея. — Каждый слой — это год. Иногда в слоях находили микрочастицы песка из Сахары, пыльцу растений долины Нила, даже следы органических соединений, похожих на остатки благовоний.

Глеб приподнял бровь:

— То есть вы буквально нашли запах Египта во льдах Антарктиды?

— Не запах, — спокойно поправила Лея. — Следы ритуалов. И не просто следы. Узоры. Они повторяли схемы, которые позже я видела в египетских текстах о «точках равновесия».

Игорь наклонился к одной из схем:

— Что это за точки?

— Места, где, по представлениям древних, граница между мирами тоньше, — сказала Лея. — Египет, Антарктида, некоторые узлы в крупных городах. Петербург — один из них.

Майя тихо добавила:

— И если эти места связаны, то эмоции, сильные эмоции, могут создавать резонанс. Как волны.

Кира посмотрела на неё:

— То есть страх, который испытали в Фивах, мог... отразиться здесь?

— Да, — кивнула Майя. — Если в обоих местах была сильная эмоциональная нагрузка, связь становится крепче. Как мост из чувств.

Глеб почесал затылок:

— Значит, мы ищем не просто преступника. Мы ищем того, кто умеет пользоваться этими мостами. И строит из них

лестницы в чужую память.

Руслан хмыкнул:

— Звучит как описание вакансии для очень странного архитектора.

Варвара рассмеялась, и смех её был немного нервным, но настоящим:

— Главное, чтобы он не строил из моей памяти гараж. Мне там и так тесно.

Даже Кира улыбнулась — слабо, но искренне.

Зоя достала из ящика небольшую шкатулку и открыла её. Внутри лежали свёртки с травами и порошками, каждый был подписан аккуратным почерком: «Для Амона — ясность», «Для Исиды — память», «Для Хатор — граница».

— Это из той экспедиции, — тихо сказала Зоя. — Мы использовали их не для ритуалов, а для... концентрации. Чтобы не терять голову от жары и песка. Но потом я поняла, что они делают больше.

Лея взяла свёрток с надписью «Для Исиды» и осторожно высыпала щепотку на ладонь.

— Исида — хранительница памяти, — прошептала она. — Она не даёт забыть. Даже когда очень хочется.

Кира закрыла глаза и вдохнула лёгкий, травяной аромат. И перед глазами вспыхнули не образы, а ощущения: жар пу-

стыни, тяжесть рюкзака, скрип песка под ботинками и голос отца: «Не верь тишине. Она врёт».

Когда видение рассеялось, Кира сидела, дрожа, но с прямой спиной.

— Он пытался нас защитить, — сказала она. — Даже тогда. Даже не зная, что это понадобится мне сейчас.

Майя тихо коснулась её плеча:

— Ты не одна. Мы все здесь. И мы не позволим этой тишине тебя обмануть.

В этот момент дверь приоткрылась, и в архив заглянул ещё один человек — мужчина лет пятидесяти, с седыми висками и взглядом человека, который привык не задавать лишних вопросов, но отвечать на самые неудобные.

— Простите, что без стука, — сказал он. — Я услышал голоса.

Зоя улыбнулась, и эта улыбка была редкой, почти застенчивой:

— Тарек. Наконец-то. Ты как всегда вовремя.

Тарек вошёл, кивнул всем по очереди и остановился рядом с Зоей:

— Марьям сказала, что у вас тут что-то серьёзное. Я привёз данные. Из Хургады.

Он положил на стол тонкую папку. На обложке был штамп портовой службы и несколько пометок на арабском и английском.

— Вчера в порту разгрузили контейнер, — тихо сказал Тарек. — Маркировка странная. Символы похожи на те, что были на ящике. И... в документах имя. То же, что на папирусе.

Игорь почувствовал, как внутри всё сжалось:

— Имя?

Тарек посмотрел на Киру:

— Мещерский. Но не твой отец. Другой. Похоже, родственник. Или тот, кто использует его имя.

Кира медленно кивнула, будто ждала этого удара:

— Понятно. Значит, кто-то играет на нашей памяти.

Лея положила ладонь на папку:

— Или кто-то знает, что память — самое сильное оружие. Глеб вздохнул:

— Ну, если нас пытаются сломать через воспоминания, то у них ничего не выйдет. Потому что у меня в голове только рецепты. А их не так просто испортить.

Руслан фыркнул:

— Особенно если это твои рецепты. Они уже идеальны.
Варвара улыбнулась:

— Спасибо. Мне сейчас очень нужно было услышать что-то нормальное.

Архив Зои будто сжался вокруг них, став не хранилищем прошлого, а ловушкой, где каждая тень казалась чьим-то забытым взглядом, а каждый шорох — чужим шёпотом. Папки лежали на столе, как раскрытые рты, готовые выплюнуть правду, которую никто не хотел слышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.